

Алексей Алексеев

**ЦЕНА ОШИБКИ – ЖИЗНЬ
ПУТЬ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ**

Алексей Алексеев

**Цена ошибки – жизнь.
Путь в предприниматели**

«Издательские решения»

Алексеев А.

Цена ошибки – жизнь. Путь в предприниматели / А. Алексеев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-691834-4

Цена ошибки — жизнь Говорят, я родился в рубашке. Но моей «рубашкой» сначала была пуповина, а потом — руки отца, сжимающие горло. Я умирал в реанимации, замерзал на трассе и терял всё в бизнесе. В 2006 году я висел в петле, но крюк не выдержал. Эта книга о том, что происходит после того, как узел развязывается. О пути от нищеты к первому миллиону, от ненависти к созиданию. Моя история — это инструкция по выживанию для тех, кто замерз душой.

ISBN 978-5-00-691834-4

© Алексеев А.
© Издательские решения

Цена ошибки – жизнь. Путь в предприниматели

Алексей Алексеев

© Алексей Алексеев, 2026

ISBN 978-5-0069-1834-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЦЕНА ОШИБКИ – ЖИЗНЬ

Путь в предприниматели

Резонанс на ноте «Ля»

Я должен был умереть, так и не сделав первого вдоха. В народе говорят – «родился в рубашке», но моя «рубашка» была сплетена из моей же пуповины. Она туго обмотала мое тело, превратившись в удавку еще до того, как я увидел свет. У врачей были считанные минуты, у меня – секунды.

Меня выпутала не судьба, а руки хирургов. Но цена этого спасения была тишиной. Семь дней я лежал в стеклянном боксе реанимации для младенцев – между миром живых и чем-то иным. Семь дней беззвучия, пока аппараты дышали за меня.

А на восьмой день реанимация вздрогнула.

Младенцы обычно кричат – истошно, требуя внимания, заявляя о своей боли или голоде. Но я не кричал. Я запел. Врачи, привыкшие к плачу, замерли у кювеза. Из горла ребенка, который едва не задохнулся, лилась чистая, звонкая нота «Ля». Ля-ля-ля...

С этой ноты началась моя жизнь. Она стала моим камертоном. Пока другие дети «орали как резанные», просыпаясь в страхе перед этим миром, я встречал новый день песней. Я словно праздновал то, что воздух всё еще поступает в мои легкие.

Тогда никто не знал, что через 27 лет судьба снова затянет на моей шее узел – на этот раз из кожаного ремня. И мне снова придется искать свою ноту «Ля», чтобы не замолчать навсегда.

В этой книге я расскажу, как мальчик, начавший жизнь с песни в реанимации, прошел через нищету, предательство, тюрьму и шаг в пустоту, чтобы понять: цена ошибки – это всегда жизнь. Но пока ты можешь звучать – ты жив.

Крик на ноте «Ля» в бетонных стенах

Первые три года моей жизни были пропитаны теплом. Я буквально не отпускал маму: грудное молоко, запах её кожи, чувство абсолютной защиты. Мама была моим миром. Отец в то время был другим человеком – он не пил, работал, и наше маленькое семейное счастье казалось незыблемым. Я рос в любви, и та самая нота «Ля», с которой я родился, продолжала звучать во мне каждое утро.

Всё изменилось, когда маме, как ветерану газовой службы с 15-летним стажем, дали долгожданную однокомнатную квартиру. Свой угол, свои стены – казалось бы, вот он, предел мечтаний для семьи из четырех человек. Мы переехали: мама, папа, я и старшая сестра. Но вместе с нами в эту однушку въехал невидимый враг.

Отца словно подменили. Тишина новой квартиры заполнилась звоном пустых бутылок и тяжелым запахом перегара. Алкоголь разбудил в нем зверя – патологическую, безумную ревность. Он начал ревновать маму к каждому столбу, к каждому случайному взгляду. Нота «Ля», которая раньше была песней, превратилась в немой крик ужаса.

Стены, которые должны были нас защищать, стали свидетелями того, как отец поднимал руку на мать. Мы с сестрой видели то, что не должен видеть ни один ребенок. Когда зверь внутри отца срывался с цепи, наш дом переставал быть домом.

Начинался наш «маршрут выживания».

Мы бежали. Полураздетые, в чем были, мы выскакивали в подъезд, прятались у соседей, которые сочувственно кивали, но боялись вмешаться. А когда места у соседей не находилось, мы уходили на вокзал.

Вокзал стал моим вторым домом. В три года я узнал, что такое спать на жестких скамьях в зале ожидания под гул объявлений о прибытии поездов. Там, среди случайных прохожих и запаха железной дороги, было безопаснее, чем в собственной квартире. Там никто не кричал и не бил маму.

Цена ошибки отца – разрушенное детство. Но именно там, на вокзале, глядя на уходящие поезда, я впервые понял: жизнь – это движение. И если ты не хочешь замерзнуть или погибнуть, ты должен быть сильнее обстоятельств.

Моя «рубашка», в которой я родился, снова начала затягиваться на шее. Только теперь это была не пуповина, а рука отца. И мне нужно было научиться не просто петь, а сражаться за свое право на тепло.

Смерть на кончиках пальцев

Мне было шесть лет. В этом возрасте дети верят, что отец – это самый сильный и добрый великан в мире. Тот, кто защитит от любого монстра под кроватью. Я не знал тогда, что монстр может сидеть внутри самого отца.

В тот вечер мама, как обычно, пыталась спастись от очередной пьяной вспышки гнева. Она быстро собирала вещи, чтобы уйти к соседке, звала меня с собой. Но во мне вдруг проснулся маленький хозяин. – Это мой дом! – сказал я, упираясь маленькими кулаками. – Я никуда не пойду.

Я остался. Сестры не было, квартира погрузилась в тяжелую, липкую тишину. Отец предложил не разбирать мою раскладушку: «Ложись со мной, сынок». Я поверил. Я лег рядом, чувствуя привычный запах и попросил: «Пап, почесай спинку...». Это был мой ритуал, мой способ уснуть.

Затем произошли трагические события. В результате травмы ребенок потерял сознание.

Мать и сосед обнаружили ребенка и немедленно вызвали скорую помощь. Ребенок был доставлен в реанимацию для оказания экстренной помощи.

В шесть лет ребенок пережил травмирующий опыт. Однако он выжил и продолжил свой жизненный путь.

Что касается отца, то после этого случая его арестовали. Пережить такую травму в детстве – это невероятно сложно. После таких событий жизнь человека меняется навсегда.

Две рубашки: Прощение и дорога

Я лежал в больнице. Снова реанимация, снова борьба за каждый вдох, как при рождении. Диагноз врачей звучал как приговор: «легкое удушье». Мне оставались минуты, но я выжил. Я выжил, чтобы увидеть то, что потрясло меня больше, чем черная тень из сна: мама простила отца.

Он стоял в камере на коленях, умолял, клялся, что больше никогда не притронется к бутылке, что это была случайность, помутнение рассудка. Мама забрала заявление. Его выпустили. И они пришли ко мне в больницу.

Я смотрел на них и не понимал. Как та, что обнимала меня на вокзале, может снова быть рядом с этим животным? Детский разум отказывался принимать эту логику. Я простил, потому что так было надо, потому что некуда было деваться. Но в глубине сердца поселилась холодная, мрачная ненависть. Доверие к миру взрослых было подорвано навсегда.

Вторая жизнь, второй шанс.

В девять лет отец подарил мне велосипед «Школьник». Может быть, это было его запоздалое искупление. Я решил проверить свои силы и поехал на дачу – нарвать маме морковки, а себе клубники. Не рассчитал усталость. Выехал на встречу.

Дальше всё было как в замедленной съемке. Летящий «Москвич» и я под колесами. Я помню, как цеплялся за бампер, пытаюсь остановить машину, а она продолжала движение. Люди на улице закричали: «У тебя ребенок под машиной! Остановись!».

Он остановился. Вытащил меня, искорёженный велосипед закинул в багажник и повез в неизвестном направлении. Я думал, он меня бросит, но он привез меня к себе домой. Они с женой осмотрели меня. Ни переломов, только ссадины.

– Парень, ты в рубашке родился, – сказал он. – Так и есть, – ответил я, вспоминая рассказы мамы о моем рождении.

Они отвезли меня домой, высадили во дворе, чтобы никто не видел аварии, и уехали. Судьба снова дала мне понять: я здесь не просто так. У меня две жизни в запасе. Первая – при рождении, вторая – под колесами «Москвича».

Эти два случая заставили меня поверить в свою исключительность. Я понял: меня не берет ни удавка, ни металл. Но я также понял, что в этом мире нужно рассчитывать только на себя. Цена ошибки – жизнь, и мне дважды повезло, что я выжил. Но я не мог вечно полагаться на «рубашку». Нужно было учиться жить так, чтобы ошибок не совершать.

«Сахарные акции и запах газа»

«Отцовского «никогда» хватило ровно на год. День водителя стал поминками по нашей нормальной жизни. Коллеги, стаканы, «ты нас не уважаешь» – и всё рухнуло. Отец сорвался, и старый демон вернулся в дом с удвоенной силой. Мама прощала. Она любила его той горькой, жертвенной любовью, которая заставляла её терпеть побои и ночные гонения, лишь бы сохранить иллюзию семьи.

А вокруг рушилась страна. Завод, на котором отец работал водителем, разваливался на куски. Вчерашние гиганты индустрии превратились в рынки, где акции мясокомбината меняли на мешки сахара. Это было время абсурда: бумажки, которые должны были обеспечить наше будущее, превращались в сладкий песок, который съедался за месяц.

Мы выживали на мамину зарплату. Она работала в Горгазе обходчиком трасс. Каждый день, в любую погоду – в мороз, в грязь, в зной – она шла вдоль газовых магистралей. Она проверяла колодцы, искала утечки, следила за тем, чтобы невидимое топливо доходило до домов.

Тогда я и представить не мог, что спустя тридцать лет я тоже буду заниматься газом. Что «Алекстеплодар» станет продолжением этого маминого пути. Я видел её усталые руки, пропахшие дорожной пылью и специфическим запахом одоранта, и понимал: газ – это жизнь, это тепло, но это и огромный труд.

Когда отец пропивал последние деньги, мама просто брала свой обходной лист и шла работать. Она была моим первым примером ответственности. Пока отец разрушал наш дом, мама берегла тепло в чужих домах. Именно тогда, глядя на неё, я понял: мужчина – это не тот, кто громче кричит или сильнее бьет, а тот, кто обеспечивает безопасность. Даже если для этого нужно пройти пешком десятки километров вдоль газовой трубы».

«Дар государства и новый центр»

«После года относительного мира и сломанного велосипеда жизнь снова показала свой нрав. Отец сорвался. Завод развалился, акции превратились в сахарный песок. Мы выживали на мамину зарплату обходчика трасс.

Но государство, как оказалось, помнило своих героев труда. За её многолетний и добросовестный труд в Горгазе, за километры пройденных трасс, маме выделили трехкомнатную квартиру в самом центре города. Это было чудо.

В девять лет моя жизнь резко изменилась. Мы переехали. Из мира окраин, вокзалов и страха я попал в центр города. Я сменил школу, сменил окружение, и даже мои увлечения

стали другими. Я увидел, как ребята танцуют брейк-данс. Это была целая культура, музыка, стиль – то, чего я не видел в своей прежней жизни. Я загорелся. Я хотел быть частью этого нового мира.

Но увлечения требовали денег. Нужна была одежда, магнитофон, кассеты. Отец, уже в возрасте, не мог найти нормальную работу и устроился сторожем. Мамина зарплата обходчика трасс, хоть и дала нам квартиру, но целиком уходила на коммуналку и базовые нужды.

И вот тут сработал тот самый инстинкт выживания, который я отточил еще на вокзале. Я жил в центре, но мыслил как пацан с окраины, который знает цену рублю. Я не мог просить деньги у мамы, я видел, как она устает. Я должен был решить проблему сам.

Так началась моя «бизнес-империя» в девять лет. Я снова вспомнил про поля с кукурузой – это было моё первое «сырьё». Мы с пацанами воровали её, но просто продажи уже не хватало. Нужен был масштаб. Я узнал, что на маслозаводе принимают семечку подсолнечника.

Мы начали бить семечку – вручную, часами, до мозолей на руках. А потом сдавали её на завод. Это был мой первый опыт переработки сырья в готовый продукт. Я не просто продавал початки, я создавал добавленную стоимость. Деньги, вырученные с семечки, шли на мои новые штаны для брейк-данса и еду для семьи. Я жил двойной жизнью: днем – брейкер в центре города, вечером – предприниматель, который ворует сырьё и сдает его на завод, чтобы выжить.

Этот контраст научил меня главному: неважно, где ты живешь – в коммуналке или в центре, – твоя судьба в твоих руках. И за брейк-данс, и за тепло в доме нужно платить собственным трудом».

Университеты рынка: Горькая цена доверия

«В тринадцать лет я уже не был тем испуганным мальчиком с вокзала. Семечки и кукуруза остались в прошлом как детский сад. Я хотел масштаба, настоящих оборотов и денег, которые не нужно прятать в карманах от охраны полей.

Работа сама нашла меня. Я бегал по рядам центрального рынка, выкрикивая заголовки газет, когда один из торговцев окликнул меня: – Слышь, пацан! Шустрый ты. Поработать хочешь? Пока продавца ищу, подменишь на точках.

Это был мой шанс. Рынок в центре, пять минут от дома, график с шести утра до часу дня – идеальное лето для пацана, который хочет стать взрослым. У моего нового «босса» было три точки, торговали мужскими носками. Казалось бы, мелочь, но на рынке это был ходовой товар, «расходник», который разлетался пачками.

Там я получил свой первый урок, который позже, в 2026 году, назову «фундаментом риск-менеджмента». Но тогда это называлось проще: «Доверяй, но проверяй».

Был один из тех «жирных» торговых дней, когда покупатель идет валом. На одной из соседних точек работала женщина, моя коллега. К обеду она прибежала ко мне, запыхавшаяся, с пустыми руками: – Малой, выручай! У меня всё вымели, мужики пачками спрашивают, а склад далеко. Дай мне часть своих, я запишу, вечером всё верну или деньги отдам.

В тринадцать лет я еще верил в «кодекс чести» рынка. Мы же в одной лодке, работаем на одного хозяина... Я отсчитал ей товар. Без расписок, без свидетелей – просто на честном слове.

Вечером, когда рынок начал пустеть и пришло время ревизии, правда ударила меня под дых. Коллега сделала круглые глаза: – Какие носки? Ты о чем, мальчик? Я у тебя ничего не брала. Сама наторговала, а ты, видать, потерял или продал мимо кассы.

Хозяин долго разбираться не стал. В его мире не было места оправданиям тринадцатилетнего пацана. – У тебя недостача, – коротко бросил он, захлопывая тетрадь. – Зарплаты не будет. Покрываем долг из твоих заработанных. И больше ты здесь не работаешь.

Я шел домой по пустеющему рынку, мимо гнилых коробок и мусора, и чувствовал, как внутри всё выгорает. Я отпахал всё лето, вставал в пять утра, мерз и считал копейки, а в итоге остался ни с чем из-за собственной наивности.

В тот вечер я не плакал. Я запомнил этот урок на всю жизнь. Никаких «на словах». Никаких «потом отдашь». Если в деле замешаны деньги или товар – должна быть фиксация. Спустя годы, когда я буду подписывать договоры на газификацию или монтаж печей в «Алекстеплодаре», я всегда буду помнить ту женщину с рынка. Она научила меня главному: бизнес не прощает доброты без контроля».

Формула прочности: Бетон и характер

В четырнадцать лет мои сверстники думали о футболе и каникулах, а я заполнил анкету в ПТУ. Рынок дал мне закалку и первые деньги, но я интуитивно чувствовал: чтобы построить что-то стоящее, нужно уметь работать не только языком, но и руками. Когда в училище пришли представители РСУ (Ремонтно-строительного управления) и предложили практику, я вызвался первым.

Так началось моё лето в РСУ. Это был совершенно другой мир. Если рынок – это хаос и психология, то стройуправление – это дисциплина, тяжесть металла и запах сырого цемента.

Меня определили на участок, где готовили бетон. В четырнадцать лет оказаться у бетономешалки – это быстрое взросление. Здесь не было места сантиментам. Бетон не ждет: если ты замешкался, смесь встанет колом, и отбивать её потом будешь до кровавых мозолей.

Первый урок РСУ: «Фундамент не прощает пустоты». Старшие рабочие сначала смотрели на меня с усмешкой – «зеленый еще». Но когда увидели, что я не бегаю на перекуры и не ною от тяжести мешков с цементом, зауважали. Моя задача была проста и сурова: соблюдать пропорции. Песок, щебень, вода, цемент. Ошибешься в марке – и плита треснет под нагрузкой.

В этом я видел глубокий смысл. Я смотрел, как жидкая, серая масса превращается в камень, который простоит десятилетия. В тот момент в моей голове начала кристаллизоваться идея качества. Я понял: если делать на совесть, твой труд останется в веках.

Трудовое лето вместо отдыха. Когда практика закончилась, мне предложили остаться на подработку. Пока мои однокурсники проедали стипендию и гуляли, я по десять часов в день дышал цементной пылью. Но в конце месяца я получил свою первую «взрослую» зарплату в организации. Это были не «быстрые» рыночные деньги, которые то есть, то нет. Это были деньги, подкрепленные актами выполненных работ и моим реальным потом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.